

**«НА КРЕСАХ ТЯЖЕЛО ДЫШАТЬ»: БРЕСТ И ПИНСК
20-30-Х ГГ. В ОПИСАНИИ Л. МАЛАХА**

Е. В. Борисевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, barysevich@bsu.by*

В работе анализируется журналистский взгляд на этническую ситуацию белорусско-польского пограничья 20-30-х гг. Л. Малах, писавший на идиш, оставил важные свидетельства о межнациональных отношениях в регионе, а также об особенностях польского администрирования приграничных территорий.

Ключевые слова: белорусы; евреи; Польша; межвоенный период.

**«IT IS HARD TO BREATHE ON THE FRONTIERLAND»: BREST
AND PINSK OF THE 20-30s
IN L. MALACH'S DESCRIPTION**

A. Barysevich

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4, 220030,
Minsk, Belarus, barysevich@bsu.by*

The paper analyzes the journalistic view on the ethnic situation on Belarusian-Polish frontier in the 20-30-s. L. Malach, who wrote in Yiddish, left important eye-witness evidence about the mutual relationship of ethnic groups in the region, as well as about the peculiar features of Polish way to run the frontier area.

Keywords: Belarusians; Jews; Poland; interwar period.

Очерковая журналистика, эпистолярная и мемуарная проза традиционно являются важным источником по истории межнациональных отношений и становления повторяющихся нарративов во взаимном восприятии как соседних народов, так и наций, не находящихся в непосредственном географическом соседстве. Польская журналистика межвоенного периода, создававшаяся на языке идиш, также является неисчерпаемым кладезем информации по истории становления и развития взаимных национальных стереотипов, предрассудков и иных нарративов, существовавших в многонациональном – в то время – польском государстве.

Исследование именно этих текстов является особенно актуальным сегодня, когда в польском общественном и политическом дискурсе уже на

протяжении нескольких десятилетий предпринимаются активные и небезуспешные попытки идеализации одного из самых противоречивых периодов в польской истории – так называемого «межвоенного двадцатилетия». Именно отдельные, самые мрачные аспекты польской национальной политики этого периода оказываются в центре внимания многих журналистов, представлявших интересы национальных меньшинств в Польше этого времени.

Одной из значимых фигур польской межвоенной журналистики является Лейб Малах (псевдоним Лейба Зальцмана), писавший очерки, репортажи и заметки на идиш. Его деятельность охватывает всего несколько десятилетий, но именно они оказались самыми важными десятилетиями для процессов последующего политического устройства в Центральной и Восточной Европе. Ранняя смерть журналиста не позволила ему увидеть, во что развились те тенденции, которые он отмечает еще при их зарождении. Сегодня его наблюдения, зафиксированные в репортажах, для нас бесценны, поскольку являются живым свидетельством эпохи, ставшей для многих народов нашего региона отправной точкой в строительстве собственной государственности и конструировании национальных идентичностей в XX – XXI веках.

В 1939 г. в Париже посмертно выходит сборник репортажей Л. Малаха «От Польши до Турции» («Fun Poyln biz Terkay»). В книгу вошли очерки, написанные им в ходе путешествия по городам Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, а также ряд заметок о Чехословакии, Румынии, Греции и Турции. Среди основных тем, интересовавших его как журналиста, – процессы социальной и политической трансформации в среде традиционного еврейства, нарастающие антисемитские тенденции и практики в европейской политике и в целом тяжелое социально-экономическое положение народных еврейских масс. Будучи внимательным наблюдателем, он предельно остро чувствует зарождение всех отрицательных тенденций будущего: межнациональных конфликтов и противоречий, в том числе и таких, которыми позже будут умело пользоваться нацистские оккупационные власти.

В обширной по своей географии серии его очерков описана и небольшая часть территории современной Беларуси, находившаяся в этот период в составе Польши. Это юго-западный регион, города Брест и Пинск. Лейб Малах называет эту подглаву в своих репортажах принятым в польской политической риторике как того времени, так и более позднего периода словом *di kresn*, восходящим к польскому *kresy* – пограничье, приграничная территория, окраина.

Всего «восточным окраинам» польского государства Лейб Малах уделяет относительно мало внимания – около шести-восьми страниц,

включая вводную подглаву и два очерка о городах. Во вводной части Лейб Малах делает важное замечание: сравнивая реакцию представителей нетитульных наций на восстановление польского государства, журналист отмечает, что, в отличие от «цивилизованных» немцев и австрийцев, волею судеб в одночасье оказавшихся гражданами чужой страны и отнесшихся к этому спокойно, «невежественные и примитивные» «восточные люди» [1, с. 102] украинцы, белорусы и литовцы восприняли это крайне негативно. Их ответом стало постоянное стремление к независимости, с которым польскому государству приходилось – с огромным трудом – бороться. Малах отмечает, что именно к этим народам новый польский режим высылал особенно жестокие карательные экспедиции. Здесь обращает на себя внимание то, что «невежество и примитивность» (то есть стремление к независимости, а не к покорной ассимиляции внутри польского государства) белорусов воспринимаются наравне с «невежеством и примитивностью» их соседей, и это – независимый, инациональный взгляд со стороны (Лейб Малах был выразителем интересов преимущественно еврейской части населения).

Лейб Малах пишет, что «на креслах тяжело дышать»: «там пахнет оккупацией, военным положением» [1, с. 102]. И вновь, основываясь на сравнении и контрасте с западными регионами, репортер отмечает, что в то время как немцы и австрийцы с радостью ассимилируют своих детей, интегрируясь в польскую культуру, на востоке все напоминает «военное время». Не обходит журналист вниманием и попытки польских властей «парализовать» жизнь в белорусских и украинских деревнях: польский режим завозит сюда своих крестьян, госслужащих и военных.

В очерке о Бресте Лейб Малах продолжает настойчиво упоминать события недавней истории: уже в первом абзаце он несколькими вполне легко считываемыми аллюзиями отсылает нас к истории о трагическом, беспрецедентно жестоком заключении лидеров политической оппозиции в польском Сейме в Брестской крепости. С характерной иронией автор отмечает, что на смену былой славе города, который был знаменит во многие периоды своей истории, пришла иная известность: слово «Брест» стало символом жестокости и примером плохого государственного администрирования. В Польше его название и вовсе стало жупелом [1, с. 103].

Журналист отмечает бедность как одну из самых характерных черт города. По его мнению, которое он вкладывает в уста анонимного жителя города, перспектив экономического развития у города также нет. Лейб Малах пишет далее, что город, который возник как место встречи Запада и Востока, Польши и России, как важнейший транспортный узел и как место заключения важнейших торговых сделок, долгое время процветавший именно благодаря своему уникальному географическому положению, в

настоящее время живет исключительно за счет помощи американской еврейской благотворительной организации «Джойнт».

Но и парадоксы еврейской благотворительности в Бресте в межвоенный период, описываемые Л. Малахом, не могут не озадачить читателя: на деньги филантропов были построены «бараки»: целый квартал дешевых, плохо обустроенных домов для еврейской бедноты. Дома были расположены вдали от городского центра, который являлся единственным местом, где еврейские бедняки могли заработать хоть что-то, трудясь над ремонтом обуви (хотя репортер задается справедливым вопросом: можно ли заработать хоть что-то там, где есть необходимость в постоянном ремонте обуви?). Для поселившихся в домах бедных еврейских сапожников была установлена высокая квартплата, и, как сообщает один из анонимных собеседников Л. Малаха, домовый комитет уже выселил несколько семей за неуплату квартплаты, которая была сопоставима с оплатой хорошей квартиры в частном доме близко к центру города. Репортер описывает грязь, отсутствие социальной инфраструктуры, из которой есть только синагога.

Несмотря на то, что повсеместно Л. Малах отмечает различные признаки прогрессирующего экономического упадка, он с удовольствием пишет о еврейской молодежи Бреста. Она образованна, ориентирована на светское образование, сильна своей организацией и волей к социальным переменам. Как пример странного решения польской администрации города журналист отмечает факт закрытия единственной светской еврейской школы в городе под предлогом того, что там не изучали еврейскую религию!

В заключительной части очерка о Бресте репортер снова возвращается к теме Брестской крепости, отмечая, что в настоящее время она выполняет две функции: является одновременно и исторической достопримечательностью – в крепости проходили совсем недавние – по меркам межвоенного периода – переговоры, положившие конец Первой мировой войне, и тюрьмой.

Лейб Малах с легкостью получает разрешение коменданта крепости на посещение зала мирных переговоров – и с удивлением замечает, что кому-то по неизвестным причинам понадобилось затереть знаменитую надпись, сделанную Троцким: «Ни войны, ни мира». Именно озадаченным вопросом репортера – кто и зачем это сделал? – и завершается очерк о Бресте.

Заключительный очерк в этой небольшой серии – ряд заметок о Пинске. Описывая свой путь в этот город, Лейб Малах снова отмечает тяжелое экономическое положение евреев как в местечках, которые ему встречаются по дороге в Пинск, так и в самом городе. Евреи радуются любой, даже самой низкооплачиваемой работе, работают за гроши по десять часов в день. Город находится далеко от центра и, в отличие от Бреста, не

является важным транспортным узлом. И при этом именно в Пинске журналист отмечает очень важные признаки сохранения чистоты еврейской культурной идентичности. Во-первых, это стремление еврейской молодежи к знаниям и образованию, прежде всего светскому. И здесь правящий польский режим также закрыл единственную светскую еврейскую школу, но молодежь остается читающей, стремящейся к саморазвитию, несмотря на гнетущую экономическую ситуацию. Во-вторых, репортер отмечает сохранность и функциональность языка идиш в быту и повседневной жизни всех слоев общества. Отмечает он и мелодичность, певучесть местного диалекта, сравнивая его с варшавским далеко не в пользу последнего. «Ни малейшего следа ассимиляции» [1, с. 107] – так характеризует Лейб Малах культурную ситуацию пинского еврейства.

Пунктиром через весь очерк проходят заметки о трагедии 1919 г., когда 5 апреля польские легионеры, войдя в город, руководствуясь непроверенными сведениями (вероятнее всего, католическим наветом) и собственным произволом, расстреляли 34 еврея у стены костела. События эти еще живы в памяти местных жителей, и репортер посещает место трагедии – «Стену», у которой произошел расстрел. Под международным давлением Польше пришлось расследовать этот инцидент, и комиссия Сейма пришла к выводу, что расстрелянные жители города были ни в чем неповинными людьми. Заканчивается заметка фактически непрямым обвинением в сторону христианской части населения города – в бездействии или даже в самом навете, приведшем к трагическим последствиям.

Репортажи Л. Малаха являются важным историческим документом, позволяющим, наравне с иными документами данного периода, восстановить один из фрагментов истинной картины происходившего в Польше в межвоенное двадцатилетие. Это особенно важно в том числе и в связи с тем, что в рамках идеологии современного польского государства предпринимаются попытки идеализации и романтизации данного исторического периода. На примере представленных репортером картин с польско-советского пограничья – из Бреста и Минска – мы можем отметить серьезные межконфессиональные и межнациональные конфликты, раздиравшие польское государство в этот период: для преодоления одних из них достаточно было административным решением закрыть светские еврейские школы, а для преодоления других нужно было высылать карательные экспедиции и устраивать дорогостоящие акции переселения госслужащих, помещиков и военных.

Из репортажей Л. Малаха мы можем почерпнуть также важные сведения о степени сохранности национальной идентичности у представите-

лей национальных меньшинств, ставших в этот период польскими гражданами, часто неожиданно для себя. Как мы видели, белорусы выступают в этих репортажах как носители сильной национальной идентичности, предъявляющие к польскому режиму четкие, обоснованные требования независимости. Белорусы входят в состав трех народов, отказавшихся принимать факт польского господства на своих этнических территориях.

Сильную национальную идентичность демонстрирует и еврейское население приграничных территорий. Она проявляется в совершенном владении родным языком, стремлении к образованию и любви к чтению. При этом польские власти словно исподволь, но с завидным упорством пытаются стирать черты этой идентичности: затирают памятные надписи, закрывают прогрессивные светские школы, снова и снова обрекая еврейскую молодежь на нищенское существование на грани физического выживания, которое ведут их родители.

Это как будто бы незаметное, но почти буквальное «стирание» с лица земли инонациональных идентичностей, их дословное «удушение» в воссозданном независимом польском государстве и становятся одной из постоянных тем в репортажах и заметках Л. Малаха в этот период. Идея эта почти не выражается им открыто, она словно намечается пунктирными линиями и штрихами: удушающая экономическая политика, давящее и бездарное администрирование в сфере образования, физическое запугивание, убийства, задержания и карательные экспедиции, попытки насильственного ввоза и укоренения на новой территории представителей титульной нации. Все это мы вполне отчетливо видим на восьми страницах, посвященных журналистом восточным окраинам Польши. Многие события еще свежи в памяти современников, поэтому у него даже нет необходимости подробно описывать их, он лишь отсылает читателя к ним, используя намеки и аллюзии.

Ценность этих журналистских свидетельств неоспорима сегодня, и именно эти публикации должны помогать сегодняшним исследователям в их противостоянии фальсификации истории и идеализации темных страниц регионального прошлого.

Библиографические ссылки

1. *Malach L. Fun Poyln biz Terkay. Paris: Farlag fun A. B. Tserata, 1939.*